Н. П. ТАНЬШИНА

Таньшина Наталия Петровна
доктор исторических наук
профессор, кафедра всеобщей истории, ШАГИ РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: nata.tanshina@mail.ru

Образы античности в интеллектуальном наследии Франсуа Гизо[1]

Аннотация. В статье речь идет об образах античности и рецепции античного наследия в научных исследованиях Франсуа Гизо (1787–1874) — знаменитого французского историка периода Реставрации, одного из ведущих политиков эпохи Июльской монархии. Для его подхода характерна идея неразрывной связи, преемственности старой и новой Франции, древней Галлии и Франции XIX в., а античное наследие для него является матрицей современной французской и в целом европейской цивилизации. В то же время на примере творчества Гизо можно проследить определенное угасание интереса к античному интеллектуальному наследию и некоторое разочарование в нем, с одной стороны, и с другой — рост внимания к рубежу между античностью и Средневековьем. Изучению этих актуальных вопросов посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: Ф. Гизо, образы античности, «История цивилизации в Европе», «История цивилизации во Франции», Реставрация, Июльская монархия

Античность — это некая отправная точка, это ориентир, это альфа и омега. Человеку, дабы обрести почву под ногами и понять суть бытия, свойственно обращаться к эталону, к идеалу, особенно в критические моменты истории. Французы обращались к античному наследию неоднократно. Причем античное прошлое служило настоящему; к античному наследию обращались для подтверждения претензий на нынешнее величие. Да, Франция — продолжательница и хранительница античного духа, более того, это

[1] Исследование осуществлено по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

Благодарю за помощь и ценные советы при написании этой статьи кандидата исторических наук, доцента кафедры истории Древнего мира и Средних веков МПГУ А. Ю. Можайского.

© Н. П. ТАНЬШИНА
DOI: 10.22394/2412-9410-2018-4-2-68-79

«новый Рим». Франциск I в Фонтенбло собрал блестящую античную коллекцию [Shanks 2005: 52]. С 1820 г. начинается эпопея с Венерой Милосской. Она была обнаружена на о. Милос в 1820 г., выкуплена французами у турок, стала собственностью короля Людовика XVIII (очень желавшего, чтобы именно Франции принадлежал шедевр Праксителя, тогда ошибочно считавшийся автором скульптуры), в 1821 г. приобретена Лувром, став одним из символов Парижа, а в 1870–1880-е годы превратилась в эталон женской красоты [Ibid.: 148–152]. Свидетельством неугасающего научного интереса к изучению античного наследия и его непреходящей важности для современной Франции является издание целого ряда журналов, таких как «Revue de philologie, de littérature et d'histoire ancienne», «Persee. Bulletin de Correspondance Hellénique», «Revue des études anciennes», «Pallas. Revue des études antiques». 584-й номер журнала «Le Magazine Littéraire» за 2017 г. вышел с характерным названием: «Гомер: почему он нам так нужен» и посвящен рецепции античного наследия в современной Франции. Крупный французский исследователь-эллинист Пьер Жюде де Ля Комб полагает, что «Илиада» как поэма о военных жестокостях крайне важна для современного мира и человечества, перманентно живущего в состоянии войны, окруженного войнами, но предпочитающего не говорить о них, замалчивать эту проблему: «Об этом не способны говорить, поскольку в демократических обществах со времени Первой мировой войны неустанно повторяют: "Это больше никогда не повторится!"». По мнению историка, происходит своеобразный отказ от поиска ответа на важнейший вопрос: что означает война? Люди не хотят видеть картины, изображающие ужасы войны, смотрят фильмы о бомбардировках, но будто не замечают их жертв: «Мы не хотим попытаться размышлять о войне, мы ее просто осуждаем, и это понятно. Греки же читали поэмы Гомера, чтобы приучить себя к мысли о том, что можно быть жертвой агрессии, а можно быть и ее инициатором». То есть взгляд Гомера — это взгляд на войну с обеих сторон. Кроме того, как полагает Жюде де Ля Комб, тексты «Илиады» и «Одиссеи» для вдумчивого читателя являются лекарством против «тоталитарного» мышления и мировоззрения: «Эти тексты надо читать, даже в переводе, приучая себя идти шаг за шагом, не торопясь ‹…› надо учиться прежде всего не понимать текст, а формировать в себе способность удивляться» [Judet de La Comb 2018: 78–81].

Но вернемся к событиям рубежа XVIII–XIX столетий. В это время античность приобрела особое звучание. Эти годы были отмечены кардинальными потрясениями и изменениями в самих основах мироздания. Рушился Старый порядок, уходил в прошлое старый мир, рождался новый. Каким он будет? На каких основаниях его строить? Ответы на все эти вопросы искали и в идеях просветителей, и в прошлом. Ключевая новоевропейская идея — это идея свободы. А свобода — это и важнейшая категория классической античности.

Накануне Революции во Франции увлекались Плутархом и его героями, античными республиками, Афинами и особенно Спартой, доблестями и республиканскими добродетелями их граждан. При этом античность, как правило, идеализировалась, достаточно вспомнить деятелей и ораторов Революции. Греции иногда касалась и политическая литература Франции XVIII в.: Г.-Б. Мабли написал «Размышления о греческой истории» (1773) [Бузескул 2005: 298].

Наглядным образом интерес к античному наследию проявился в годы наполеоновской империи в стиле ампир. Наполеон, претендовавший на создание новой династии, нуждался в корнях, образах и образцах для подражания. И таким идеалом стала античность. Однако если классицизм Людовика XVI, для которого также был свойствен интерес к античности, был ориентирован на демократические Афины века Перикла, то в годы Империи за образцы брались формы искусства Древнего Рима: Наполеон стремился к блеску и ореолу славы римских императоров.

Особенность стиля ампир в архитектуре заключалась в обязательном наличии колонн, пилястров, лепных карнизов и других классических элементов, а также в использовании античных скульптурных мотивов (грифоны, сфинксы, львиные лапы). Художественный замысел стиля был призван подчеркивать и воплощать идеи могущества власти и государства, наличия сильной армии.

Однако ведущая роль в формировании нового стиля принадлежала не архитектуре, как обычно, а живописи, точнее, живописцу Жану-Луи Давиду. Еще накануне Революции в картинах «Клятва Горациев» и «Брут» он прославлял героические эпизоды из истории республиканского Рима, следуя за сюжетом книг Тита Ливия. Для работы над этими картинами Давид заказал известному парижскому мебельщику Ж. Жакобу предметы обстановки по собственным рисункам, сделанным им с этрусских, как их тогда называли, ваз, найденных при раскопках Геркуланума и Помпеи в Италии. С установлением империи республиканец Давид, пережив тяжелый кризис, стал прославлять императора Наполеона так же, как до этого — идеалы свободы римской республики. Про художника говорили тогда, что в поисках своего героя он «сменил Цезаря на Брута», однако это не повлияло на его репутацию первого живописца Империи.

Давид разрабатывал эскизы мебели, оформление интерьера, диктовал моду в одежде. В 1800 г. он написал портрет знаменитой парижской красавицы мадам Рекамье в тунике на античный манер, возлежащей на выполненной Жакобом кушетке с плавно изогнутым изголовьем, со стоящим рядом торшером в «помпеянском стиле». С легкой руки Давида эта картина положила начало моде на стиль «рекамье». В 1802 г. похожий портрет мадам Рекамье, как бы соревнуясь с Давидом, написал его ученик Ф. Жерар.

Сам император желал больше пышности и великолепия. Его придворными архитекторами стали Ш. Персье и П. Фонтен, в 1786–1792 гг. обучавшиеся в Риме. Для Наполеона они оформляли интерьеры дворцов Мальмезон, Фонтенбло, Компьен, Лувр, Медон, Сен-Клу, Версаль, Тюильри, построили на площади Карусель в Париже Триумфальную арку, наподобие древнеримских (1806–1808). В 1806–1836 гг. еще одна Триумфальная арка была возведена в Париже по проекту Ж.-Ф. Шальгрена. Скульптор А.-Д. Шодэ водрузил статую Бонапарта в образе Цезаря в римской тоге на вершину Вандомской колонны; другую статую, также работы Шодэ, император вез в обозе в Москву, чтобы установить ее в покоренном городе.

В своей угодливости придворные декораторы Наполеона доходили до абсурда. Так, спальня императрицы Жозефины во дворце Мальмезон была превращена в некое подобие походной палатки римского центуриона, а одетые в «римские туники» женщины мерзли от холода в плохо отапливаемых парижских салонах и в заснеженном Петербурге, во всем подражавшем французской столице.

В дальнейшем интерес к античности станет массовым и повсеместным. Античные традиции в полной мере прослеживаются в изображении государей. Например, бюст Николая I (у которого был и впрямь античный профиль), выполненный Кристианом Даниэлем Раухом, органично вводит Николая в круг героев Древнего Рима — в полном соответствии с интересом к античности, который был особенно заметен в первой трети XIX в.

Людвиг I Баварский, дед «сказочного короля» Людвига II, был буквально одержим древнегреческими артефактами. Отец будущей императрицы Австрии Елизаветы, эрцгерцог Максимилиан Баварский, также был страстным поклонником греческой культуры. И эта страсть впоследствии передалась его дочери Сиси, которая выучила древнегреческий язык и построила на Корфу виллу Ахиллеон.

Но вернемся во Францию, уже постреволюционную. Пережившая за 25 революционных лет кардинальные изменения, начавшая строить новое общество, она нуждалась в некоей точке опоры, с одной стороны, с другой — пыталась сохранить преемственность по отношению к истории.

Для либералов эпохи Реставрации (1814–1830), а потом и Июльской монархии (1830–1848) идея преемственности исторического развития Франции — это одна из важнейших идей. Французская революция воспринималась как ключевой момент в развитии французской цивилизации, не водораздел, а именно важный этап этого развития. То есть либералы подчеркивали теснейшую взаимосвязь между Старым порядком и новой, постреволюционной Францией. Они хотели взять все лучшее от Старого порядка и интегрировать в новое общество. А мы знаем, что взгляд на прошлое как на процесс развития, важный для понимания современности, —это характерная черта греко-римской традиции.

Отсюда закономерен обостренный интерес к историческому прошлому Франции в годы Реставрации. Однако характерная деталь: в области истории на смену увлечению историей Греции и Рима пришло углубленное изучение истории Средних веков. Именно рубеж между античностью и Средневековьем французские историки эпохи Реставрации (1814–1830) стали считать отправной точкой для современной европейской цивилизации.

Именно эти идеи были ключевыми для Франсуа Гизо (1787–1874) — историка, политика, политического мыслителя, социолога. Античность для него была не просто эталоном, далеким образом. Образы античности, причем вполне визуализированные, он мог созерцать в детстве. Дело в том, что Гизо родился на юге Франции, в Ниме — городе, где сохранились в значительном количестве и превосходном состоянии античные памятники. На мой взгляд, культурная среда, окружение не может не влиять на формирование характера и направленность исканий человека. Несмотря на то что Гизо покинул Ним в шестилетнем возрасте, после казни на гильотине отца отправившись в Женеву на обучение, жизнь в античном Ниме, несомненно, оказала влияние на дальнейшее развитие мальчика.

После обучения в Женеве Гизо вернулся во Францию, но сразу отправился в Париж изучать право. Его влекла публицистика, он начал сотрудничать с журналами «Публицист», «Литературные архивы Европы», «Меркурий». Полина де Мелан, талантливый публицист той поры, сотрудница журнала «Пу-

блицист», ввела его в этот интеллектуальный круг, а спустя некоторое время их творческий союз стал семейным. В 1808 г. вместе с Полиной они начинают переводить «Историю упадка и гибели Римской империи» английского историка Эдуарда Гиббона. Эта грандиозная работа была окончена к 1811 г., когда были опубликованы 13 томов с комментариями Гизо и Мелан. Это была первая большая историческая работа Гизо. Весьма показательно, что Гизо, знаток древних языков, начинает свой путь историка с античного сюжета.

В дальнейшем, уже в годы Реставрации, в своих лекциях, посвященных истории цивилизации в Европе и во Франции, Гизо будет вновь и вновь обращаться к античному римскому наследию, к рубежу между античностью и Средневековьем как к матрице современной французской цивилизации.

7 декабря 1820 г. он начал читать в Сорбонне курс лекций, посвященный истории цивилизации в Европе от падения Римской империи до начала 1789 г., на материале которого впоследствии была составлена «История происхождения представительного правления», опубликованная спустя 30 лет, в 1851 г. Лекции Гизо имели блестящий успех и стали важным событием не только в научной, но и в общественно-политической жизни Франции, хотя он всячески подчеркивал свое стремление отгородиться от любых аналогий с современной политикой. Впоследствии он так отзывался о специфике своего курса:

> Я отбросил в своем курсе все, что могло бы иметь намек на тогдашние обстоятельства, на систему и образ действий правительства. Я строго заключился в сферу общих идей и воспрещал себе всякие нападки, всякие намеки на события и на борьбу, происходившие в то время [Феоктистов 1858: 362].

Однако абстрагироваться от текущей политики было сложно, и политическое кредо Гизо, те политические принципы, которые он отстаивал, не могли не найти отражения в его лекциях. Более того, Гизо устанавливает связь между историей и политикой совершенно сознательно и считает историю прямым продолжением политики. «События настоящего освещают факты прошлого», — писал он в «Эссе по истории Франции» [Алпатов 1949: 85].

9 апреля 1828 г. Гизо начал читать в Сорбонне курс по истории цивилизации в Европе, где развивал те же идеи преемственности. Европейская цивилизация для него начинается со времени падения Римской империи.

Об этом же он будет говорить в ходе своего следующего курса лекций, посвященного истории цивилизации во Франции:

> Итак, мы наверное знаем, что, стремясь к свободному правлению, мы не только не отрекаемся от Франции, созданной веками, но продолжаем ее создание, и что поражения не отнимают у нас надежды на успех [Гизо 1877: 6].

К чтению этого курса Гизо приступил 6 декабря 1829 г. Курс остался незавершенным: заканчивая очередной учебный год в июне 1830 г., Гизо думал продолжить его чтение в следующем учебном году и довести повествование до Французской революции 1789 г. Однако Июльская революция вовлекла его в политическую деятельность, и к преподавательской работе он больше не

вернулся, хотя его исторические работы не утратили своей популярности и в дальнейшем, о чем свидетельствуют регулярные переиздания его трудов.

Для Гизо французская цивилизация — это некая образцовая модель, эталон. Почему? Потому что Галлия, как колыбель французской цивилизации, «находилась на рубеже между римскими и германскими мирами». Отсюда проистекает важнейшее свойство французской цивилизации: «Она является самым полным и верным изображением цивилизации общеевропейской». Если цивилизации Англии и Германии — по преимуществу германские, цивилизации Испании и Италии — романские, то «цивилизация Франции почти одинаково вытекает из обеих основ, передает с самого начала совокупность и разнообразие элементов современного общества» [Там же: 37].

Основная идея цивилизации для Гизо — это идея прогресса, развития. Цивилизация для него «указывает на усовершенствование гражданской жизни, на развитие общества в собственном смысле этого слова, развитие людских отношений» [Гизо, 2007: 24]. Цивилизация для Гизо характеризуется двумя признаками: «развитием общественной деятельности и развитием деятельности личностной — прогрессом общества и прогрессом человека» [Там же: 27].

Выводя европейскую цивилизацию из античной римской культуры, Гизо в то же время видит четкое различие между «древними цивилизациями и европейской». Цивилизации, предшествовавшие европейской, — «в Азии ли, или других странах, не исключая даже Греции и Рима» — характеризуются господствовавшим в них единством:

> Все они словно вытекают из одного известного начала, из одной идеи; словно все общество находилось во власти единого принципа, преобладавшего в нем, определившего его учреждения, нравы, верованья, словом, все стороны его развития [Там же: 37–38].

В Египте и Индии, по мнению Гизо, таким принципом был принцип теократический; у других народов — принцип силы; в торговых республиках доминировал демократический принцип. Таким образом, делает вывод Гизо, во всех древних цивилизациях «всем управляет и все решает какая-нибудь одна, если не единственная, то по крайней мере безусловно преобладающая сила» [Гизо 2007: 38].

В истории древних цивилизаций одновременное существование и соперничество различных начал было не более как скоропроходящим кризисом, случайным явлением — отсюда поразительная простота в большей части древних цивилизаций. Эта простота общественного начала, по мысли Гизо, иногда имела следствием необыкновенно быстрое развитие, как, например, в Греции. «Ни один народ не развивался так блистательно и в столь короткое время», — писал он.

> Но после этого изумительного успеха Греция вдруг является изнуренною и, хотя падение ее было медленнее, нежели возвышение, тем не менее оно совершилось с необыкновенною быстротою. Творческая сила в началах греческой цивилизации словно иссякла, а взамен ее не явилось никакого другого освежающего начала [Там же: 39].

В Египте и Индии, по мнению Гизо, единство цивилизации имело совершенно противоположный результат: общество впало в состояние застоя:

> Простота обратилась в однообразие; государство не разрушилось, общество продолжало свое существование, но оставалось неподвижным и словно застыло [Там же: 39].

Это единство цивилизации, по словам Гизо, отразилось и в литературе, и в культуре как таковой. Даже в Греции, отмечает он, «среди всех богатств человеческого разума, господствует редкое единство в литературе и искусствах» [Там же: 40].

Совершенно иначе, по его мнению, развивалась цивилизация современной Европы. Европейская цивилизация, по Гизо, — это цивилизация многообразная, запутанная, бурная…

> …В ней одновременно существуют все формы, все начала общественной организации: духовная и светская власть, элементы теократический, монархический, аристократический, демократический; все классы, все состояния общества смешаны и перепутаны; всюду представляются бесконечно разнообразные степени свободы, богатства, влияния. Все эти силы находятся в состоянии постоянной борьбы, причем ни одна из них не получает решительного преобладания над прочими, не овладевает безусловно обществом. В древности каждая великая эпоха словно отливала все общества в одну и ту же форму; преобладание принадлежало то монархии, то теократии или демократии, — но господство каждой из этих форм было всегда исключительным, безусловным. Современная Европа представляет образцы всех систем, всех попыток общественной организации: абсолютные и смешанные монархии, теократии, республики, более или менее аристократические, существуют в ней одновременно, подле друг друга, и несмотря на все различие их, они все-таки представляют много общего… [Там же].

То же разнообразие — в нравственном мире, в литературе. Это разнообразие, по мнению Гизо, с одной стороны, является недостатком современной цивилизации: «развитие всех проявлений человеческого ума, порознь взятых, уступает соответствующей стороне развития в древних цивилизациях» [Там же: 41]. С другой стороны, «рассматриваемая в общем европейская цивилизация является несравненно выше всякой другой. Она существует уже пятнадцать столетий и постоянно прогрессирует; она продвигается вперед далеко не так быстро, как греческая цивилизация, но зато прогресс ее никогда не прекращался» [Там же: 41–42]. Более того, европейская цивилизация, по мнению Гизо, «приближается, если можно так выразиться, к вечной истине, к предначертаниям провидения» [Там же: 43].

Уже в самой колыбели европейской цивилизации, т. е. в античном Риме, Гизо усматривал «причины и зародыши» этих свойств. В момент ее возникновения, а именно в момент падения Римской империи, «найдем в состоянии мира, во всех явлениях, содействовавших образованию европейской цивилизации, исходную точку того бурного, но плодотворного разнообразия, которым она отличается» [Гизо 2007: 43].

Что же такого усмотрел Гизо? Это, по его словам, три общества: муниципальное, христианское и варварское. При этом эти общества существуют в Европе не изолированно, они переплетены:

> ...Потребность безусловной независимости существует рядом с полным подчинением, военный патронат рядом с господством церкви, духовная власть рядом со светскою, постановления церкви, ученое законодательство римлян — рядом с обычным правом или, вернее, бесправием варваров. Повсюду смесь или, лучше сказать, смешение самых разнообразных племен, общественных учреждений, нравов, идей и впечатлений [Там же: 60].

Без сомнения, продолжает Гизо, «это смешение, разнообразие, эта борьба стоили нам очень дорого: отсюда медленность прогресса Европы, отсюда все бури и бедствия, которым она подверглась» [Там же: 60]. Однако в целом, по его убеждению, «это насильственное, бурное, тяжелое состояние имело большое преимущество перед простотою, которою отличались другие цивилизации…» [Там же: 61].

Итак, первая особенность Римской империи — это муниципальный характер. Рим — это муниципия, община. Гизо подчеркивает, что не только в Риме, но и во всей тогдашней Италии мы не видим ничего другого, кроме городов. «История завоеваний Рима есть история завоевания и основания огромного количества городов» [Там же: 44]. Следствием этого является наличие больших дорог, но отсутствие множества мелких путей сообщения. Это, в свою очередь, стало причиной того, что «муниципия, подобная Риму, могла покорить мир, но с трудом могла устроить его и управлять им» [Там же: 45]. В этом, по мнению Гизо, заключалась одна из причин формирования империи, «как формы более сосредоточенной, более способной поддержать связь между столь шаткими элементами» [Там же: 45].

Наряду с муниципальным устройством Гизо выделяет идею императора, императорского величия и абсолютной священной власти, связанной с этой фигурой.

> Вот элементы, которые римская цивилизация передала европейской: с одной стороны, муниципальное устройство, его образцы, его обычаи и уставы — это начала свободы; с другой — общее гражданское законодательство и идея неограниченной власти, священного величества, императорского могущества — это начала порядка и безусловного подчинения [Там же: 50].

А мы помним, что девизом режима Июльской монархии станут слова «Свобода и порядок».

В то же время в недрах римского общества возникло другое общество, основанное на совершенно иных началах, — христианская церковь. Причем Гизо подчеркивает, что речь идет именно о церкви, а не о христианстве. Точнее, «христианство в эту эпоху было не только религиею, но и церковью» [Там же: 50].

> Можно сказать, без преувеличения, что в конце IV и начале V веков христианская церковь спасла христианство; церковь, своими учреждениями, своею епархиею чинов, своею властью, мощно сопротивлялась внутреннему распадению империи и варваризму; она покорила варваров и стала посредницею между ними и римским миром, связью, соединительным звеном, началом цивилизации в ту переходную эпоху. ‹…› Не будь христианской церкви, весь мир подпал бы чисто материальной силе [Там же: 51, 55].

Церковь, отмечает Гизо, «положила начало великому делу разделения властей духовной и светской. Это разделение есть источник свободы совести» [Там же: 55].

> Установление нравственного влияния, поддержание божественного закона и отделение светской власти от духовной — вот три великих благодеяния, которые христианская церковь оказала в V веке европейскому миру [Там же: 56].

Именно в таком состоянии застали Европу варвары. Кто такие варвары? Им свойственны, по мнению Гизо, следующие качества:

> …наслаждение личной независимостью, удовольствие самовластно распоряжаться своею свободою, своими силами, среди всех превратностей мира и жизни; прелесть деятельной жизни без труда, стремление к жизни, исполненной приключений, неожиданностей, перемен, опасностей, — таково чувство, преобладающее в варварах, такова нравственная потребность, приводившая в движение эти массы людей [Там же: 57].

При этом Гизо выделяет как единственно достойную работу о варварах книгу своего коллеги и соотечественника О. Тьерри — «Историю завоевания Англии норманнами» (1825). Работа Тьерри, отмечает Гизо, это «единственная книга, в которой побуждения, склонности, стремления, действующие в людях, общественный быт которых близок к варварству, прочувствованы и воспроизведены с истинно гомерическою верностью» [Там же: 57].

Именно варварам европейская цивилизация, по мнению Гизо, обязана идеей личной независимости и свободы:

> Чувство личной независимости, стремление к свободе, развивающееся бессознательно, единственно с целью найти себе удовлетворение, не было знакомо ни римскому, ни христианскому обществам. Оно было внесено и положено в колыбель европейской цивилизации варварами. Оно играло в ней такую важную роль и принесло столь благие результаты, что нельзя не выставить его на вид как один из основных элементов ее [Там же: 59].

Второй элемент, унаследованный от варваров — военное патронатство, т. е. «связь, которая устанавливалась между соплеменниками, между воинами, и которая, не уничтожая свободы каждого отдельного лица, ‹…› вводила ие-

рархическую подчиненность и положила основание аристократической организации, обратившейся впоследствии в феодальную систему. Отличительною чертою этих отношений была привязанность человека к человеку, взаимная преданность их, без всякого внешнего понуждения, без всякого обязательства, основанного на главных началах общественного быта» [Там же: 59].

В целом обращение к этой эпохе в истории европейской цивилизации было важно для Гизо с точки зрения воспитательной. А в истории Гизо видел средство воспитания «всечеловека». Современный человек, с его чрезвычайно развитым интеллектом, с его несколько рабским чувством уважения к авторитету, с его трусостью, свойственной векам утонченной культуры, может почерпнуть то, чего ему не хватает, в изучении Средних веков. Там он найдет примеры личной энергии, веры в себя и собственные свои силы, страсть к индивидуальной свободе и презрение к общепринятым мнениям. Симпатия к Средним векам, по мнению Гизо, открыла для современного человека богатейший источник эмоций и наслаждений, а потребность в эмоциях и симпатии не может быть вытравлена из человеческой природы [Реизов 1956: 209].

Гизо, как хорошо известно, вместе с О. Тьерри является родоначальником теории классовой борьбы («Борьба классов наполняет, вернее, составляет всю эту историю»). Зачатки этой борьбы Гизо усматривает как раз в древней Галлии, а борющиеся классы вышли из завоевания. «В продолжение многих веков после победы германских народов над галлами, политическая нация, свободная и господствующая, состояла исключительно из победителей и из влиятельных галлов, которых победители допустили в свою среду из епископов и высшего духовенства ‹…› Масса жителей, рассеянных по деревням или живших в городах, была вне политической жизни и находилась в рабстве, а оказавшись в таком положении, она не могла защищаться против гнета и разбоя» [Алпатов 1949: 88].

Однако, объясняя классовую борьбу фактом завоевания, Гизо, как и Тьерри, утверждал, что под двумя народами, борющимися во Франции на протяжении тринадцати веков, следует подразумевать не прямых биологических потомков франков и галлов, а два общественных класса (или положения, по терминологии Гизо), которые возникли в результате завоевания [Реизов 1956: 179].

Почему же Римская империя пала? В Риме, как и в другом обществе, где «рабство существует в широких размахах», «несколько господ царят над стадами народов».

> Во всех странах во все времена, какова бы ни была форма правления, по истечении более или менее продолжительного времени вследствие пользования властью, богатством, интеллектуальным развитием, всеми социальными преимуществами верхние классы теряют свои силы, истощаются; необходимо, чтобы их постоянно возбуждало соревнование, обновляло вступление в их ряды лиц из тех классов, которые живут и трудятся под ними [Гизо 1877: 54].

Анализируя состояние общества в Галлии в V в., Гизо приходит к выводу о том, что причины его кризиса — те же:

> Люди в нем были разделены на два больших класса, между которыми лежало громадное пространство: не было ни разнообразия, ни поступательного движения, ни истинной демократии... [Гизо 1877: 55].

Иными словами, отсутствие социальной гармонии, социальных лифтов, узкая социальная база, косность властных структур — это погубило Римскую империю, Галлию, как ее составную часть; это же стало причиной Французской революции. Это же приведет к кризису режима Июльской монархии, к революции 1848 г. и крушению политической карьеры самого Гизо. То есть, изучая античное римское наследие, он прекрасно осознавал проблемы, приведшие к краху римского общества. Но, сам будучи историком и четко осознавая эти проблемы, в своей собственной политической деятельности этих ошибок не избежал. Именно узость социальной базы режима Июльской монархии, закостенелость властных структур, отсутствие диалога между властью и обществом в итоге привели к революции 1848 г.

Литература

Алпатов 1949 — *Алпатов М. А.* Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949.

Бузескул 2005 — *Бузескул В. П.* Введение в историю Греции: Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX в. СПб.: Изд. дом «Коло», 2005.

Гизо 1877 — *Гизо Ф.* История цивилизации во Франции. Т. 1. М.: Изд. К. Т. Солдатенкова, 1877.

Гизо 2007 — *Гизо Ф.* История цивилизации в Европе. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2007.

Реизов 1956 — *Реизов Б. Г.* Романтическая французская историография (1815–1830). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1956.

Феоктистов 1858 — *Феоктистов Е. М.* Записки Гизо. Империя и Реставрация // Русский вестник. Т. 15. № 5–6. 1858. С. 304–376.

Judet de La Comb 2018 — *Judet de La Comb P.* Homère nous oblige à être des deux côtés d'une guerre // Le magazine Littéraire. № 584. 2018. P. 78–81.

Shanks 2005 — *Shanks M.* Classical archaeology of Greece: Experiences of the discipline. London; New York: Taylor & Francis e-Library, 2005.

Images of Antiquity in the intellectual heritage of François Guizot

Tanshina, Natalia P.
Doctor of History
Professor, World History Department,
School of Advanced Studies in the Humanities,
The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82
Tel.:+7 (499) 956-96-47
E-mail: nata.tanshina@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to study the images of antiquity and the reception of the classical heritage in the scholarly studies of François Guizot (1787–1874) — a famous French

historian of the Restoration period and a leading politician during the July Monarchy. His approach is characterized by the idea of an inextricable link, of the continuity between the old and the new France, ancient Gaul and France of the nineteenth century. For him, between the classical heritage was the matrix of modern French civilization and of European civilization as a whole. At the same time, on the basis of Guizot's works, one may trace, on the one hand, a certain diminution of interest in the classical intellectual heritage and some disappointment in it, and, on the other, the growing attention to the boundary between antiquity and the Middle Ages. The present article is devoted to the study of these urgent issues.

Keywords: F. Guizot, the images of Antiquity, "History of Civilization in Europe", "History of Civilization in France", the Restoration, the July Monarchy

References

Alpatov, M. A. (1949). *Politicheskie idei frantsuzskoi burzhuaznoi istoriografii XIX v.* [Political ideas of 19th c. French bourgeois historiography]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).

Buzeskul, V. P. (2005). *Vvedenie v istoriiu Gretsii: Obzor istochnikov i ocherk razrabotki grecheskoi istorii v XIX v.* [Introduction to the history of Greece: A review of the sources and an outline of the development of Greek history in the 19th century]. St. Petersburg: Izdatel'skii dom "Kolo". (In Russian).

Feoktistov, E. M. (1958). Zapiski Gizo. Imperiia i Restavratsiia [Guizot's Notes. Empire and Restoration]. *Russkii vestnik*. [Russian Herald]*, 15*(5–6), P. 304–376. (In Russian).

Gizo, F. (1877). *Istoriia tsivilizatsii vo Frantsii* [Trans. from Guizot, F. (1840). *Histoire de la civilisation en France, depuis la chute de l'Empire romain*. 2nd ed. (Vol. 1). Paris: Didier; Libraire-Editeur]. Moscow: Izdanie K. T. Soldatenkova] (Vol. 1). (In Russian).

Gizo, F. (2007). *Istoriia tsivilizatsii v Evrope* [Trans. from Guizot, F. (1856). *Histoire générale de la civilisation en Europe*. 6th ed. Paris: Didier; Libraire-Editeur]. *History of civilization in Europe*. Moscow: Izdatel'skii dom "Territoriia budushchego". (In Russian).

Judet de La Comb, P. (2018). Homère nous oblige à être des deux côtés d'une guerre. *Le magazine Littéraire, 584*, 78–81. (In French).

Reizov, B. G. (1956). *Romanticheskaia frantsuzskaia istoriografiia (1815–1830)* [Romantic French historiography. 1815–1830]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. (In Russian).

Shanks, M. (2005). *Classical archaeology of Greece: Experiences of the discipline*. London; New York: Taylor & Francis e-Library.

To cite this article:

Tanshina, N. P. (2018). Obrazy antichnosti v intellektual'nom nasledii Fransua Gizo [Images of Antiquity in the intellectual heritage of François Guizot]. *Shagi / Steps, 4*(2), 68–79. (In Russian).

Received January 6, 2018